

Наталья Егорова

«ОГРОМНАЯ ДУША НА МАЛЕНЬКОЙ ЗЕМЛЕ...»

Айсберг, Россия!

Ни белые шкуры полярных медведей твоих,
ни ледоколов зеленые волчьи глаза,
ни Аввакумов опальных пути на санях,
ни потаенных острогов подводные льды
не объяснят, что такое Россия в мороз.

Вмерзли мы в жгучее пламя –
а пламя в мороз
ясно звенит, как застывший каленый металл.
Вмерзли в застывшее солнце –
а солнце в мороз
красное, жаркое, как на кормушке снегирь.
Вмерзли в далекие звезды –
а звезды в мороз
круглые, крупные, как прошлогодний горох.

Айсберг, Россия!

Твой воздух замерз, как кристалл.
Вмерзли мы в сердце –
а сердце России в мороз –
вечный ребенок, летящий на санках с горы.
Сладко! Так страшно и сладко!
Движенье и вихрь!
Из-под полозьев взметается веером снег!
Сладко и страшно!
И – падаешь в жгучий сугроб.
Замерло сердце.
Удар пропустило.
Потом
тихо разжалось и медленно стукнуло в грудь.
Айсберг, Россия!
А в сердце – восторг и огонь!

В этом солнце сквозном – что мне твой вековечный укор!
 Не сотру я со щек тривиальные глупые слезы,
 А вдохну в свою грудь белой рябью прошитый простор –
 Каждым сердцем зеленым трепещут и любят березы!

И нырнув с головой в эту странную явную новь,
 В мир, где каждое сердце округу творит и струится,
 В сотый раз я скажу: «Наша родина – это Любовь,
 А не место в пространстве, где выпало жить и родиться».

Как березы трепещут, стараясь беду одолеть,
 Каждым сердцем в простор превращая заросшую местность –
 Лей в пространство любовь, невзирая на беды и смерть,
 Чтоб очнулась в тебе и тебя полюбила окрестность!

Надо свить себе родину, как на березе гнездо
 Вьет весной соловей мхом и пухом израненных крылий.
 Так и деды твои, улыбаясь за плугом незло,
 Тыщи весен любя – все вокруг для тебя налюбили.

И березовых рощ водопадом гремящая новь
 В тыщу тихих сердец вдруг пошлет пониманье и чудо.
 И пойду я к любви – ибо родина наша – Любовь,
 На дорогах земных и в мирах, где не жили покуда.

А когда отгорят все пути на краю синевы,
 И судьба не подскажет, направо идти иль налево –
 Я совью себе родину в плеске любви и листвы
 В белоствольном лесу мирового шумящего древа.

Приютя меня в теплые белые рощи твои –
 Там, где любящи вечно и всеми безмерно любимы,
 Вьют их пуха и веток гнездилища вечной Любви
 В белоствольных лесах у престола Творца серафимы.

Когда я вышла в путь в рассвете детства раннем,
 Гудел седым холмам морей глубокий вздох.
 И маленькой душе привиделся бескрайним
 Поющий шар Земли в подпалинах дорог.

Весь мир играл у ног – огромный, как дорога,
И дружелюбно звал решиться и пойти:
«Ступи один шагжок, потом еще немного,
И не заметишь, как осилишь все пути».

И я шагнула в свет – в разверстый трепет дали,
В лавинный ропот роцц, в лебяжью стаю лет,
В широкий шорох волн, где всех веков печали
На золотом песке чертили легкий след.

Я полюбила вас – старухи в нищих хатах,
Студенты и бомжи в столичной тьме огней.
И стала я тогда пожизненно богата
Тревогами ветров и вольностью дождей.

И я вместила весь мой мир в рассвете раннем –
Лесов протяжный шум, морей соленый вздох,
Тяжелые дымы проснувшихся окраин,
Клубящуюся пыль полуденных дорог.

А тихая Земля в прибрежной белой пене
Играла, как дитя с ракушкою в руке,
И вечный океан веков и поколений
Гудел, чертя пути на золотом песке.

И ты летела в путь, срывая звезд орбиты,
На сильном, молодом, сияющем крыле,
Забыв миров печаль, простив веков обиды,
Огромная душа на маленькой Земле.

* * *

Отведи меня, дедушка, в детство за белой горой
По тропинке из вечного снега, что лег между нами.
Там летят рысаки в алых лентах сквозь парк городской,
И с лотков расписных бабы в шубах торгуют блинами.

Там дымят самовары. В аллеях стоят терема.
Праздник Русской зимы – и лепные фигуры из снега.
Там царевич и волк, а на ветке жар-птица сама.
И герой-космонавт рядом с пушкинским вещим Олегом.

Повернулся к концу с середины двадцатый наш век.
Сказка с космосом спорит в пространстве зимы небывалом.
Кто такое слепил? Кто раскрасил сияющий снег
Золотым, голубым, польхающим синим и алым?!

Стар и мал – мы стоим, счет седым временам потеряв.
Два ребенка извечных – большие глаза проглядели!
Посмотри, посмотри, как веселый Петрушка лукав!
Как на печке летит, обгоняя ракету, Емеля!

Фонари среди хвой. Снегопад. Хорошо-хорошо.
А волшебный фонарь и в метель доведет до ночлега.
Где ты, дедушка? Поздно. Куда ты тихонько ушел
По аллее седой, по тропинке из вечного снега?

А с тобою ушел век двадцатый – кровавый наш век,
Век, разрушивший просто и заново создавший мифы.
А в столетье другом сам себя подменил человек –
Снежный сказочный ком не втащили на гору Сизифы!

А в столетье другом – одиноко замерзшей душе.
Нету Русской зимы. И в сугробы не прыгнешь с разбега.
Нету снежных фигур на оттаявшей черной меже
Пограничных времен. Да и нету почти уже снега.

Мне идти за тобой. Но еще я не верю тому.
Я играю еще на снегу у проталины черной.
Я еще запускаю снежок в лихолетье и тьму,
Неизвестно зачем покоряясь мечте непокорной.

В том детстве, где ангел случайно
Про жизнь просиял мне и смерть,
Открылась мне вечная тайна –
Не может любовь умереть!

Тот ангел сидел в изголовье,
Бессмертный в бессмертной любви,
А мама горела любовью
И гладила косы мои.

Но ангел исчез белокрылый,
И в маминой тихой, живой
Любви – над холодной могилой
С седою стою головой.

И не понимаю упрямо,
Как жизнь наша быстро прошла.
Твержу свое детское: «Мама,
Зачем нас любовь не спасла?»

Зачем в слабине человечьей
Мы жизни твоей не спасли,
И смерти ответить нам нечем
По-прежнему, кроме любви.

И горю ответить нам нечем
По-прежнему, кроме забот,
Пока о прощанье и встрече
Тот ангел продрогший поет.

Тот ангел, как лунь, сизокрылый,
И жизнь повидавший, и смерть,
Поет над родною могилой:
«Не может любовь умереть!»

СИРЕНЬ – НА СЧАСТЬЕ

Сирень! Сирень! Как мощный взрыв сверхновой,
Сносящий мозг тяжелою волной –
Четырехлепестковый куст лиловый,
Смыкающий объятья за спиной!

В парадных белых фартуках крылатых,
– Учиться лень и думать тоже лень!
Мы забывали целый мир, когда ты
Цвела, непредставимая сирень!

Но был один секрет: в саду у школы
Найти, нырнув в лиловый оком,
Цветок особый, пятилепестковый,
И съесть его – ведь счастье скрыто в нем!

Наклонишь ветвь с цветком, судьбе раскрытым,
С грядущим, приходящим навсегда –
Гори над головой, сияй над бытом,
Лиловая сверхновая звезда!

И мы, зарывшись в душный куст весенний,
С усердием веселых дикарей
Искали счастье верное в сирени,
Глотали счастье, утопая в ней!

А кто не верил в тот пятиконечный
Сердечный бред, серьезно хмуря лбы,
Остался навсегда в сомненье вечном
Без радости, без счастья, без судьбы.

Что ж до меня... В серьезном или в малом,
Не счастья – о судьбе не привирай! –
Но с той поры всегда тебя хватало,
Сиянье мира, бьющее за край!

Всегда ты был – забытый всеми, душный
Любви и детской нежности придел.
Неважно, что Рахманинов подслушал!
Неважно, что там Врубель подсмотрел!

А важно – если черное случится,
И совладать не сможешь с миром ты –
Лицом в сирень, наплакавшись, зарыться,
Глотать на счастье горькие цветы.

В простор претворяйся, любви и огня волшебство
С извечною русскою чаркой всемирной печали!
Нас ввергли в пространство – и мы покорили его,
Навеки своими назвав бесконечные дали.

В характере нашем поют «никогда» и «всегда»
Веселой надеждой, что всюду мы – странники – дома.
И небо горит нам, и русская светит звезда
Огнем навсегда незнакомым и вечно знакомым.

Не все ли равно, где шагать – между верб и раки,
Дорогой пылящей, межой, устремившейся в тучи,
Тропинкой у изб, где бродяга-кузнечик скрипит,
Иль звездной тропой в иван-чаях галактик горячих.

В какую бы даль ни послала причудница-жизнь,
В прекрасном конечном, как мир, бесконечном итоге
Я в пропасть шагну и пространству скажу: «Расступись!» –
И тут же, покорное, ляжет травой под ноги.

* * *

Здравствуй, мир провинциальный,
Рай с поляной танцевальной,
С юностью накоротке –
Муза в красном кушаке.

Платье в маках и ромашках
И знакомое:
– Наташка!
Свет в глазах и в жилках дрожь.
– Подожди-ка!
– Подождешь!

У Советского Союза
Не в чести крутая муза.
– Не печатают – и пусть!
Как-нибудь да перебьюсь!

Подождали – не дождались.
Заметались и сорвались
В ураган, гудящий мглой.
В шальный ветер продувной.

Нет, а в принципе – дождались!
До-олго так перебивались.
Каждый стал и швец, и жнец,
На беде лихой игрец.

Нет Советского Союза.
В побирушки вышла муза.
Так положено, прости,
Всяким музам не в чести.

Снится мир провинциальный,
Рай с поляной танцевальной,
С музою накоротке –
Юность в красном кушаке.

Перебились. Отстрадали.
Навидались. Да едва ли
Тронем грани трудных тем.
– Поподробнее!
– Зачем?

* * *

Понимаешь ли, птица,
на ветке сидеть и молчать –
это вовсе не то, что к чему стоило в жизни стремиться.
Надо ветку качнуть, да получше листву раскатать,
надо мир раскатать –
пусть округа летит и кружится!

Надо мысль раскатать –
чтоб летела, звеня и паря,
чтоб качала леса, заполняла долины и воды –
вот тогда запоешь
лучше лучшего соловья,
подчиняя сознанию
веселые смыслы свободы.

Ты на ветке сидишь –
тише тихого. Не шелохнешь
ни резного листа,
ни лежащую в дреме окрестность.
Понимаешь ли, птица,
звенит мне твоя высота
и свистит по ночам
твой пернатый секрет неизвестный.

Ведь когда ты поешь –
ходит громом в лесу тишина,
и с росой глаза
золотые цветы раскрывают.
Перезвона и трелей угрюмая чаша полна.
И сиянья.
И жизни.
Но видишь ли...
Так не бывает.

Будто смысл,
что петлею сужает пространство вокруг,
отлетел от души –
и очнулась душа в укоризне,
засвистала, защелкала юным восторгом – и вдруг
ощутила струенье-течение-пение жизни!

И звучат над землей –
выше смыслов усталой земли,
выше гроз естества,
выше заданной временем темы
все лишённые смысла пернатые птичьи слова,
все рулады твои,
все твои золотые фонемы.

В эту даль не вернуться по воле своей,
Как не встретить ушедшей любви.
Свешу ноги с кувшинки в холодный ручей
И шепну еле слышно: «Плыви!»

Там окраина спит, беззаветно любя
Мир в рассвете седых соловьев.
Но не пустит она, закрываясь, в себя
Тех, кто знал, как прожить без нее.

А отыщет твой след на песке – полыхнет
Ивняками сквозь сумерки лет,
Целиком твое сердце себе заберет
И окошки откроет в рассвет.

Там тобою, не знавшим, как жить без меня,
В беззаветной и юной тоске
Сотни раз мое имя, ручьями звеня,
Записалось на теплом песке.

Где теперь воздыхатель сердечных кручин?
Сколько было мучительных лет,
Расставаний без смысла и драм без причин –
Ни героя, ни имени нет.

Подойду к ивнякам в позабытой тоске.
Проведу по глазам – будто сплю.
Вот оно – мое имя на теплом песке
И размашисто рядом: «Люблю!»

Что за форменный бред и шальная печаль –
Дорогие писать имена!
Но откликнется близь и откликнется даль,
И шелохнется ряской волна.

И в бездонности жизни, где мир не хранил,
Запоют глубины холода –
Все покроет навеки струящийся ил,
Все тропинки размочит вода.

И, припомнив в беспечной сердечной тоске,
Что любовью – навек погублю,
Напишу твое имя на теплом песке
И размашисто рядом: «Люблю!»

Что за дурь, что за бред, ты великую правду скажи –
Этот глупый поэт не о хлебе насущном хлопочет!
Загребай себе жизнь да веселые строчки пиши –
Вот и весь его дар. Сам не знает, чего же он хочет!

Он с три короба врет, в каждой луже любуясь собой.
То лопух воспоеет, то репейник объявит стозвонным,
То консервную банку – поющей под крышкой звездой,
То жар-птицу поймает, а ближе посмотришь – ворона!

Он гребет свою жизнь, боль и сор превращая в любовь,
Всю округу втащив в омут песни, заведомо лишней.
А заметишь ему: «Люди умные! Не прекословь!»
Так туда же – дерзит! Говорит: «Не умнее же жизни!»

Он гребет свою жизнь – с лепетанием нищих старух,
Голосами влюбленных и снами детей на рассвете.
Пораспустит свой хвост на весь мир – оглашенный петух,
Заорет, как пеун! Заиграет, как солнечный ветер!

– Ты б учебник прочел! Ты б на рынок работать пошел!
Ведь дурак дураком! – захлебнется родня в укоризне.
– Не корите меня! Я великую тайну нашел –
Эти песни – плоды с недоступного Древа Жизни!

Это Древо в раю сторожит от нас Ангел с мечом,
Открывая живым Книги Жизни великое чудо.
Продают те плоды круглый год на торгу ни по чем,
А разлит этот рай, как весенние песни – повсюду.

Я однажды купил этот плод за поломанный грош.
Потекло по устам дивным медом – багряным и алым.
И узнал я, что плод с Древа Жизни отменно хорош,
Заиграл и запел на всю Землю – а в рот не попало...

* * *

Сергею Куняеву

Все ушли. И в кладбищенской зыбкой тени
Вновь сирень зацветает соцветьями снов.
Среди древней земли мы остались одни
В обезлюдившей горнице прошлых веков.

Что же, прошлое свято живущим вдвойне.
Каждый знал – на земле ничего не сбережь.
Лишь великие тени сквозят в вышине
И великих преданий доносится речь.

Мы, пришедшие позже, попали на пир
И остались чужими им. Но все равно
Их глазами мы долго глядели на мир,
Их речей вдохновенных плескали вино.

Мы живем о своем в духоте дешевизн.
Новый мир постаревшим и мил, и не мил.
И цветет над могилами новая жизнь –
Жизнь всегда расцветает над прахом могил.

Но украдена памяти главная весть,
Утекает минувшее сквозь решето,
И о жизни, горевшей прозреньями здесь,
Нынче даже случайно не вспомнит никто.

По в пустыне, где каждый к ушедшему глух,
Мы бредем, заплативши с лихвой за мечты,
Понимая, что долго сияющий дух
Не достигнет в потомках былой высоты.

И жалея до слез молодых и лихих
(Разнесут – только словом случайно затронь!),
Говорим мы: «Манкуртам в беспамятстве их
Недоступен былых вдохновений огонь».

Что ж – прости и пойми. Так бывает всегда.
Старый друг, ничего в этом нового нет.
Отцветает сирень и цветет лебеда,
Где когда-то горел несгорающий свет.

БЕЛЫЕ ПТИЦЫ

1

Ютятся к домам в холода снегири и синицы,
Грачи и касатки зимуют в далеком краю.
Лишь дикие лебеди – сильные белые птицы –
Плывут среди льдин, согревая в мороз полынью.

Нацелится пьяное дуло бродяги шального,
Заезжий шофер разворотит снега в колеях –
Кружат в небесах, не спешат улетать от родного.
Да если уж честно, то любят их в этих краях.

Как любят здесь все, кто родился у этих проселков,
И хрусткий мороз, и огни развалившейся ТЭЦ,
И пятиэтажки, и солнце на инее колком,
И вечный огонь нестареющих русских сердец.

Мы смотрим с окраин, как лебедь над вьюгой кружится,
И вновь повторяем в снега проносящихся дней:
– Россия, Россия, ты – сильная белая птица,
И кроены все мы судьбою по мерке твоей.

2

Наставят ракеты – снега запорошат прицелы.
Нацелятся танки – пурга перекроет пути.
Россия, Россия, покуда мы живы и целы,
Сквозь наши окопы к тебе никому не пройти.

Пусть тучи нависли, пусть смерть по дорогам вихрится,
Мы вновь говорим, не умея сдаваться врагу:
– Мы – дети России. Мы – сильные белые птицы.
Мы выживем в бурю. Мы вместе пройдем сквозь пургу.

И нашим бойцам, что лежат в полевых медсанбатах,
И нашим десанникам в вихре огня – не стонать!
Воюйте, ребята! Держитесь покрепче, ребята!
Живите, ребята! Нельзя нам Россию сдавать!

А дети глядят, как на солнце дорога искрится,
И в небе небес, побеждая вселенское зло,
Летит над проселками сильная белая птица,
Спокойно и вольно расправив литое крыло.

ДНЕПРОВСКИЕ СТРОФЫ

1

Шумят в старинных поймах ковыли
Седые строки повести былинной,
А над Днепром опять закат в крови,
И ничего не скажет о любви
Земной судьбы податливая глина.

Сомни ее устало в кулаке,
Слепи в извечном поиске исхода
Солдата, и, поставив на песке,
Подумай, что сомнительна свобода.

А там, в тени под ивами, в воде
Зеленой тиной – камуфляжа пятна,
И словно кровь – лучи на бороде
Застреленного русского солдата.

И водоросли-волосы скользят
У берега косой девичьей длинной.
Кувшинкой вышит свадебный наряд
Зеленоглазой Мавки с Украины.

Вас Днепр свел, течением времен
В верховья вечной памяти забросив.
Ведь сказано в преданиях племен –
Любите, дети. С вас никто не спросит.

Отхлынет эхо долгое войны,
Как алый отблеск вечного былого.
Вы были влюблены. Погибли вы.
Но все пройдет и все вернется снова.

Солдат опять отправится в поход,
И ночью вновь напорется на мины.
И Днепр из трав речных опять совет
Венок для Мавки – Мавки с Украины.

Но вы, чья плоть в ручьях речной травы,
В тяжелых зернах зреющих колосьев –
Любите больше. Пусть погибли вы –
Вы все прошли. С вас вечной мерой спросят.

На мягкой глине и речном песке
Днепровских пойм запишется былина,
И вновь сомнется медленно в руке
Земной судьбы податливая глина.

2

Гей, батька Днепр! Красна былин ладья,
Полна старин скрипучая телега!
Но шевельнулась древняя змея
В седом кургане вещего Олега.

Гей, старец Днепр! Ты узок стал на вид –
Ни прежних вод, ни прежнего размаха.
Но рощица осенняя горит,
Венчая холм, как шапка Мономаха.

И за нее по-прежнему война
Идет, и кровь багрит твои равнины.
И бьется у врагов в плену княжна –
Запроданная Мавка Украина.

И русский князь опять не спит ночей,
Пытая долю в битве сокровенной,
И на лихих ярит степных коней,
И шлет родимым весточку из плена.

Но утро ясно. Небо высоко.
И ласточки еще не закричали.
И видно – на столетья далеко,
Как будто мир еще в своем начале.

Как будто Игорь не попал в полон,
И Муромец еще в седле и славе,
И жив отважный генерал Скалон,
И Теркин лишь подходит к переправе.

И Святослав встает на стремяна,
В ковыль времен врезая битв подкову.
И мчатся скакуны Бородина,
И рвутся в сечу кони Куликова.

И ясно, что, преданий не ценя,
Мы что-то пропускаем, хоть и знаем –
И вновь родного предаем коня,
И от коня, как прежде, погибаем.

А над рассветом, в огненной броне,
Былиной неразгаданной для внуков,
Летит святой Георгий на коне,
И рядом на коне – Георгий Жуков.

Здесь все славянской речью поросло.
 Роняют сосны смол янтарных сгустки.
 Пускай теченьем ила нанесло –
 В днепровском русле льется древнерусский.

Здесь на прибрежном мху валун седой
 Тропой бредет века к святым печерам,
 И буквицы-стрекозы над водой,
 В слова слагаясь, дышат вечной верой.

Здесь все кувшинки, перечни имен,
 Осоки и предания былого,
 Теченья рек, речения племен
 Сливаются в священном русле в Слово.

Над соснами и вечным ходом вод
 Оно шумит старинною свободой,
 И Книгой Жизни синий неба свод
 Простерт над поймой – летописным сводом.

Здесь Третья Вавилонская война
 Еще не разделила мир наветом.
 Едина речь. И слиты племена
 В глаголе – как перед кончиной света.

Здесь можно помолиться и назвать
 Живых и мертвых предков поимённо,
 И над Законом льется Благодать,
 Снимая с мира тяжкий крест Закона.

И снится руслу вечно и поднесь
 Ладя и парус – древняя дорога –
 И речь, где тихим выдохом: «Аз есмь!» –
 Плывет сквозь ночь святое Имя Бога.

Ой, Днепр, Днипро, река славянских слез!
 О русской славе и о русском горе
 Береговушки свищут возле гнезд,
 И с каждым годом все кровавей зори.

И глиняная летопись времен
Слезой плывет в подкове берега,
Но чутко спит и видит вещей сон
Змея в кургане вещего Олега.

В нем танки ищут в брешах века ход –
Немецких свастика пауки косые,
И Киев-Змий к святым мощам ползет,
И Киев-Вий хватает меч Андрия.

Да ты незряч, как всякий курослеп,
Бандер и ляхов смрадный улей виев!
Но на конях с Небес Борис и Глеб
Летят, спешат в великий город Киев!

А там, в проломе княжьей высоты,
Еще недавно ясно золотые,
Сияют Лавры черные кресты
Над рухнувшим крестом Святой Софии.

Кто нас столкнул? Что значит черный сон?
Кто из дружины братского народа
Заморской древней ересью сражен?
Кого страшит славянская свобода?

Да это ты – земных веков шлея,
Смертельная гадюка в корне древа –
Эдемская ползучая змея,
Толкнувшая на грех Адама с Евой!

Шипишь...

А здесь, в плавильнице племен,
В чернобыльских мутантных колбах века,
Где код цивилизаций изменен –
Идет последний бой за человека.

Не кибера с компьютерной душой –
Не «фрукта» генетических гибридов –
Икона Божья – человек живой –
Не знает оцифрованных подвигов.

Здесь бой идет за веру, где в цене
Любая жизнь. И в вечном единенье
Живого – мчится всадник на коне,
Как вечный символ Божьего творенья.

А ты, природа – конь земных кровей,
Мчишь по векам – стремящим воды рекам,
И в зле своем бессилен вечный змей
До той поры, пока ты с человеком.

Ответных санкций экстренный пакет
Пропишем господам америкосам –
От «Ураганов» русских и ракет
Отведайте российского «кокоса»!

Но ты, змея, ты – спи! Во мху времен,
В седых курганах. Каждый русский верит,
Что разгадает гибельный твой сон
И не наступит вновь на конский череп.

5

А женских слез гремячая кудель
Кровь разжижает и лишает славы.
На башнях сечи видевших кремлей
По-бабы не рыдайте, Ярославны!

О князе не рыдайте золотом –
Он в землю в битве лег под вражьем станом.
О сыне не рыдайте молодом –
Горят огнем в бинтах кровавых раны.

А мертвым пал ты в праведном бою,
С победой вышел правою из боя –
Ты отдавал за други жизнь свою.
Здесь в бой выходят. Здесь творят святое.

Войной священной вышел здесь народ
Пасть с честью или выжить – за свободу!
В разрывах пуль и мин Христос идет
По красным водам, по днепровским водам.

Он отдал жизнь – и знает цену ей,
До капельки пролитой без приказа.
И смотрят сквозь прицелы веселей
Глаза бойцов российского спецназа.

Где Теркин переходит реку вброд,
На переправе горяшко солдатам!
Христос протянет руку и спасет,
И выведет бойцов, как в сорок пятом.

Рванув вперед врагам наперекор
Под долгожданный рокот вертолета,
Бинтами обмотав земной простор,
Работает уставшая пехота.

По свастикам немецким лупит «Град»,
Бьют «Солнцебеки» – новые «Катюши»,
И прямо в рай от красных вод летят
Святых бойцов искупленные души.

– Христос Воскрес! Живой Христос – с тобой!
Ликует солнце в поднебесных сводах.
Мешая кровь бойцов с речной волной,
Владимир крестит Русь в днепровских водах.

Строчит прицельно вражий пулемет.
В рубахе их холщового тумана
Христос идет по руслу древних вод.
У сердца – окровавленная рана.

6

Нет, Днепр Славутич, музы не молчат,
Когда прицельно бьют по нашим пушки.
И Нестору о подвигах кричат
И в клювах кровь несут береговушки.

Он пишет кровью павших до утра
Победы повесть с вестью похоронной,
Пока на ивы старого Днепра
Ложится тень от вражеского дрона.

Черны кресты. Кровав в полях восход.
Солдатской кровью всходят в поймах маки.
Но бьет, не умолкая, пулемет
В десантной, смертной, доблестной атаке.

Здесь живы все! У Бога мертвых нет!
И надо смерть пройти и боль осилить.
Еще горит в пещерах Лавры свет,
И Нестор пишет правду о России.